

Наталья Левених

Когда мы будем готовы

Люди, которые всегда со мной

Наталья Левених

Когда мы будем готовы

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Левених Н.

Когда мы будем готовы / Н. Левених — «Издательство АСТ»,
2026 — (Люди, которые всегда со мной)

ISBN 978-5-17-184996-2

Помните слова мамы Форреста Гампа? «Жизнь – как коробка шоколадных конфет. Никогда не знаешь, какая начинка тебе попадётся». Эта книга – коробка историй о материнстве. Истории эти очень пёстрые, и смешные, и пугающие, а порой даже фантастические. Это не хроника личных семейных будней, а скорее попытка взглянуть на материнство как на явление с разных сторон, через призму разных сюжетов. Но в центре внимания здесь всегда фигура матери и её чувства. И что бы ни происходило в трудные моменты, материнство – по-настоящему интересное приключение. И книга Натальи Левених готова вам это доказать.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-184996-2

© Левених Н., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

От автора	7
Анонимные матери	9
Всё на свете – сказка	14
Маленькие утешения	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Наталья Левених
Когда мы будем готовы
Сборник рассказов

© Левених Н. Д., текст, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Наталья Левених

Когда мы будем готовы

От автора

На эту книгу меня вдохновила мама Форреста Гампа. Если вы смотрели фильм Роберта Земекиса или читали книгу Уинстона Грума, то наверняка запомнили эту героиню – её силу, смелость и, конечно же, бесконечную материнскую любовь. Но сможете ли вы вспомнить, как её зовут?

Нет, и на то есть причина. Ни в фильме, ни в книге у этой замечательной женщины просто нет имени. Форрест зовёт её «мама», остальные – «миссис Гамп». А ведь она по-настоящему интересный персонаж и достойна остаться в нашей памяти не только как «мама Форреста».

Сейчас модно переосмысливать классику, рассказывая известные истории глазами второстепенных персонажей. Признаюсь честно, я бы с интересом прочитала ретеллинг «Форреста Гампа», где центральной героиней была бы его мама. А если бы я умела писать романы – то с удовольствием написала бы такую книгу.

Но вместо романа о маме Форреста я написала сборник рассказов, героинями которого стали матери – молодые, пожилые, одинокие, замужние, опытные, свежее испечённые и даже несостоявшиеся.

Я верю, что каждая история должна быть рассказана именно в той форме, в какой она родилась. Поэтому мои рассказы написаны в разных жанрах. Мама Форреста Гампа говорила, что жизнь – коробка шоколадных конфет, и никогда не знаешь, какая начинка тебе попадётся. Мой сборник – коробка историй о материнстве. В основе реализм с терпкой начинкой. Но есть и бодрящая фантастика, и тающая во рту магия, а ещё – острая антиутопия, тягучий хоррор и немного хрустящего юмора. Есть рассказ, написанный как серия голосовых сообщений, а есть сборник коротких записок. Но материнство (или его отсутствие) почти всегда остаётся центральной темой, а мать – главной героиней.

Мне хотелось показать материнство не глянцевою картинкой с обложки, а живым и насыщенным путешествием длиною в жизнь. Я считаю, что материнство начинается не с момента рождения ребёнка, а гораздо раньше. У кого-то – в начале беременности, когда появляются первые ограничения. А иногда с момента, когда женщина (девушка, девочка) начинает задумываться о том, что у неё будут дети, и желать этого.

А когда же заканчивается это занимательное приключение? Когда мы перестаём быть нужны своим детям? В тринадцать лет? В восемнадцать? В тридцать?

«Хотелось, как в детстве, прилечь к любящему, жалеющему существу и умиленно плакать и быть утешаемым. Но кто такое существо, к которому я мог бы прилечь так?.. Сделаться маленьким и к матери, как я представляю ее себе... Да, она, высшее моё представление о чистой любви, но не холодной, божеской, а земной, тёплой, материнской. К ней тянулась моя лучшая, уставшая душа. Ты, маменька, ты приласкай меня».

Эти слова Лев Толстой записал в своём дневнике, когда ему было семьдесят семь лет.

Так когда же мы, матери, можем перестать быть матерями? Если верить Льву Толстому, то никогда. Даже если ребёнку стукнет семьдесят, а его мама будет выглядеть не старше восьмидесяти – она всё равно останется его мамой, до конца жизни.

Многодетные мамы иногда шутливо считают свой материнский стаж – складывают возраст детей и ахают, увидев результат. По такой арифметике у меня выходит сорок лет. За это время бесценный опыт мне подарили не только собственные дети, но и другие женщины. Наши разговоры, советы, поддержка – всё это стало частью моего пути, а некоторые истории так запали в душу, что из них выросли сюжеты рассказов. Я понимаю, что материнство неисчерпаемо и впереди ещё немало сюрпризов. Но когда я пишу о нём, я опираюсь не на теории, а на то, что действительно пережила и пропустила через себя.

Получилась ли книга – судить вам. Но я точно знаю, что важно сделать матерей и их опыт по-настоящему видимыми. Мама Форреста Гампа напоминает нам, что начать можно с имён.

Анонимные матери

– Я мама Аси, – начала Первая.

Вишнёвое платье, длинные серьги, спокойный голос. Ей явно к пятидесяти, но выглядит моложе.

– Нам было по шестнадцать. Рано заводить ребёнка, да. Но мы так любили друг друга. Жить стали у моих родителей, свёкр и свекровь помогали деньгами. Когда Ася родилась, я любовалась ею каждую минуту. Копия отца. Кудряшки тёмные, с самого рождения. Ресницы длиннющие. Все так шли яркие цвета, и я до сих пор присматриваю в магазинах красные платья. Иногда даже покупаю. Держу их на дальней полке, потом отдаю подругам или отношу в благотворительный магазин.

Первая замолчала. Серьги покачались и тоже замерли.

– Спасибо, что поделились с нами. – Ведущая обвела глазами группу. – Кто хочет продолжить?

– Давайте я, – откликнулась женщина, похожая на серую синичку-гаичку. – Но я с бумажками, можно?

Ведущая кивнула. Вторая порылась в сумочке и достала потрёпанную тетрадь с динозавриками на обложке.

– У нас Димочка. Мне было двадцать два, мы с Лёшей только закончили институт и сразу начали жить вместе. Свадьбу назначили через год, но Димочка не дождался – появился раньше. Он с младенчества любит книжки и даже сам пытается что-то сочинять. – Вторая подняла глаза от тетрадки и робко улыбнулась. – Мы решили, что это генетическое, ведь Лёша журналист. Способности же передаются по наследству, правда?

Никто не ответил. Вторая снова уткнулась в тетрадку.

– Воспитатели говорят, что у Димочки хороший вербальный интеллект. Он легко запоминает стихи и пересказывает. Может быть, он будет... Будет писателем...

Раздался лёгкий стук: это слёзы закапали на тетрадку.

– Спасибо за ваш рассказ. – Ведущая положила руку на плечо Второй. Та судорожно всхлипывала.

– Мы можем выслушать следующую участницу. Начинайте, когда будете готовы.

Какое-то время в группе стояла тишина, нарушаемая лишь шуршанием салфеток и вздохами. Ведущая молча выжидала. Сейчас начнётся. Непременно начнётся.

– У нас близнецы. Мальчик и девочка.

Третья была одета в простое цветастое платье. И вся она была какая-то круглая и плавная, как будто сейчас раздаст всем сладкие румяные оладушки.

– Знакомые пугали меня, что дети ссориться будут, мол, с двойняшками всегда так. А нет – с детства дружили, сын сестру защищал. Сейчас сидят за одной партой, помогают друг другу. У них интересы-то разные. Она биологию учит, ветеринаром хочет стать. А он как всякий парень – всё больше физикой да робототехникой занимается. Но на олимпиады вместе ходят, для поддержки. Вот как дальше, не знаю. – Лицо Третьей скривилось, она затрясла головой. – Вы дальше давайте, пусть другой кто...

– Третий ребёнок, неожиданный, последний, к сорока годам, – чётко обозначила Четвёртая. Она сидела с прямой спиной на краешке стула и зачем-то обнимала закрытый ноутбук. – Думали, что будет трудновато. Возраст всё-таки, да и старшие уже школу заканчивали. Но именно с ним я смогла как-то расслабиться наконец. Деньги есть, опыт есть, можно не спешить никуда. Первого бабушка вырастила, я крутилась как могла между учёбой и работой. К рождению второго руководителем стала. Ходить его няня учила, читать – репетиторы. А с третьим я

всё сама: и сказки читала, и листья для поделок собирала. Как в своё детство вернулась, только лучше. Поняла, какое оно должно быть – материнство.

Четвёртая неожиданно ссутулилась, упёрлась подбородком в ноутбук и начала нервно смахивать с брючного костюма невидимые соринки.

– У меня единственная дочка, любимая, больше Бог не дал.

Пятая печально улыбнулась и стала похожа на звезду чёрно-белого кино, царственную и ранимую одновременно.

– Имя я ещё в детстве придумала – Вероника. И снилась она мне – светловолосая, упрямая, красивая.

Пятая замолчала и прижала к губам ладонь. На тонких ухоженных пальцах поблёскивали серебряные кольца.

– Я не могу поверить, что так вышло. Просто не могу. Мне нечего больше сказать. Простите.

– Благодарю вас всех за открытость. – Ведущая поднялась со стула. – Сейчас у нас будет перерыв. Напитки и небольшое угощение в конце зала. Во второй части мы поговорим о реальном положении вещей. Нам понадобится много сил и смелости. Пожалуйста, будьте бережны к себе и другим участницам.

* * *

– Нам было по шестнадцать, ну какой ребёнок, о чём вы... Но я хотела. Всё мечтала, каким бы он получился. Вот Асю и придумала. Я противозачаточные по утрам пила и каждый раз плакала – как будто я что-то внутри убиваю, Асе вред наношу. Но мама говорила, что мы только жить начинаем и всё ещё изменится. Так и оказалось: после школы у каждого своя компания, потом он в другой город поступил – и всё. Он уехал, да я и забыла его почти. А вот Ася рядом со мной всегда. До смешного доходило. Когда уже замужем была и впервые забеременела, начала читать статьи «Как подготовить ребёнка к рождению второго», представляете? Ну и про платья, да, я уже рассказывала. У меня же двое мальчишек. А я до сих пор как отдел для девочек вижу – так слёзы на глазах. Мне же хотелось и куклы, и косички, и платья, и на маникюр вместе...

– Лёша умер в двадцать три года. Мы свадьбу планировать начали, а тут пневмония, осложнения, аутоиммунное. Несколько месяцев мучений. Лёша всё говорил, жаль, что сына не успели родить, он всегда мечтал. Вот мы в утешение и выдумали Димочку. И какие у него глазки, и чем интересовался, и какие таланты... Решили, что будем растить писателя. Обсуждали и в какой садик отдать, и какие кружки нужны, и где жить будем. Я всё в тетрадку записывала, вот в эту. Потом Лёша умер, а Димочка остался. Мы ведь его сочинили и любили, он как живой...

– Врачи сказали, это называется «дистресс-синдром». У двойняшек чаще бывает. Особенно если прежде времени. Дочку спасли, а сына не смогли. Я сначала решила: притворюсь, что его и не было вовсе. Живот маленький, никто и не знал, кроме мужа. Не вышло. Как призрак, везде с нами. Гляжу на дочку, какая она одинокая, – и жалко её так. Муж уговаривал второго завести, да не решилась я. Вдруг опять что не так пойдёт. Сколько же призраков у меня будет, и так крыша едет...

– Муж сказал: куда нам третьего, в наши-то годы. Только вздохнули свободно, путешествовать стали. К лыжам вернулись. У меня работа новая. Квартиру как раз купили – на четверых. Ну я и сдалась. Пошла на аборт. Вот только иногда кажется, что матерью я побыть не успела. Как-то на бегу всё прошло. А сейчас вроде и хочется пообщаться – да какое с подростками общение, у них уже свои компании да интересы...

– Как же это несправедливо! Видит бог, я хотела ребёнка, сколько себя помню. Когда была маленькая, всю капусту вытоптала на даче: сестрёнку себе искала. Двоюродная сестра родилась – я от неё не отходила. Тётя рассказала, что ребёнок у неё в животе вырос. Сестра зимой родилась, я её сразу в пелёнках увидела – и решила, что дети так и рождаются, в пелёнках. А те вырастают из ниточек, которые женщина в течение жизни проглотила. Так я себе все носочки ободрала: нитки выдирала, скатывала в клубочки и глотала, чтобы моему ребёночку холодно не было. Как я хотела родить! Когда сказали диагноз, думала, умру на месте. Муж утешал, предлагал усыновить. Но я не смогла, чужая кровь. Я же с детства представляла, что он внутри меня растёт... Как же несправедливо...

* * *

– Мы приступаем к третьей, заключительной части.

Ведущая обвела взглядом группу. Участницы ещё всхлипывали, но казались решительными. Хорошо, что она сделала перерыв подлиннее.

– Напоминаю, вы вольны сами выбирать подопечную. Начинайте говорить, когда будете готовы. Если не хотите слушать, скажите об этом или выставьте ладонь вперёд.

– Я хочу рассказать про мальчика-близнеца, можно? – Вторая неуверенно взглянула на ведущую.

– Давайте спросим у матери. Скажите, вы согласны выслушать рассказ?

Третья кивнула, сложила мягкие руки на цветастых коленях.

Вторая вспорхнула с места, сцепила пальцы и затараторила, как отличница на уроке:

– Ваш мальчик выиграл олимпиаду по робототехнике и поехал на международные соревнования. Там его заметили люди из университета и предложили стипендию в школе для одарённых подростков. Вы за него волновались, но решились отпустить. А ваша дочка скоро найдёт себе сильного и смелого парня, который будет её любить и никому не даст в обиду. Всё!

Вторая опустила на стул, неловко расставив ступни. Третья охнула, потом пересела, обняла Вторую за плечи, что-то прошептала на ухо. Так они и прижались друг к другу, как мать и дочь. Казалось, сейчас запахнет оладьями. Но тут Третья вздохнула, отняла руки и повернулась в круг.

– Ох, ну довольно сырость разводить. Я вам вот хочу сказать про последыша.

Четвёртая вздрогнула и вся как-то подобралась. Пиджак её натянулся, пуговицы выстроились в тугой рядок.

– Я слушаю.

– Про мальчонку не придумалось, уж не взыщите. Я про вас скажу. Вы молодая ещё. И дети почти взрослые. Самое время для себя пожить, пока внуками не одарили. Молодая бабушка – красота! Вас за мать их будут принимать, вот честное слово. Внуков вы и ходить научите, и читать, и дом весь в поделках будет – только успевай разгрести. В цирк сводите, в театр. Все завидовать будут – что вам, что внукам вашим.

– Спасибо вам... Я как-то не задумывалась. А ведь и правда, я буду бабушкой!

Лицо Четвёртой медленно осветила улыбка – как солнце пробилось сквозь еловый лес.

– Конечно будете!

– Ещё какой!

– И в футбол ещё сможете играть.

– И на лыжи их поставите!

Участницы наперебой предлагали варианты. Ведущая пыталась сохранить очерёдность, но потом решила не противиться стихии.

Жизнь набирала обороты.

Четвёртая начала заниматься спортом, чтобы кататься с внуками на лыжах.

Димочка пошёл по стопам отца и стал журналистом. Ездил по командировкам, иногда писал рассказы. Мать его почти не видела, но очень гордилась сыном.

Асе было уже за тридцать, она жила на другом конце страны с мужем. С матерью созванивалась редко, но разговаривали обстоятельно, подолгу.

Всё складывалось удачно. Но что-то не давало Ведущей покоя.

Пятая! Дети в капусте, пелёнки из ниточек... Она выглядела оживлённой, предлагала идеи для Димочки. Но про её ребёнка – Веронику – не сказали ни слова.

Пятая перехватила взгляд Ведущей.

– Обо мне волнуетесь? Ничего, мне не обидно.

Голоса смолкли. Участницы в замешательстве посмотрели на Пятую. Она печально покачала головой и выставила вперёд узкую ладонь. Звякнули браслеты.

– Столько лет прошло, боль утихла. И Веронику вспоминаю всё реже. Сложно другое. Вы понимаете, я совсем одна с этим. Боюсь рассказать – что подруге, что маме. А пришла сюда – и не одна. Спасибо вам. Всем вам. Простите, я так давно не плакала, а тут, кажется, можно...

– Можно.

Ведущая потянулась за салфетками, но вокруг Пятой уже образовался заботливый кружок. Ей протягивали платочки, воду, гладили по плечам, щебетали слова утешения. А потом плакали сами, обнимались, переходили на «ты», предлагали встретиться...

Ведущая выдохнула и откинулась на спинку стула. Получилось. Отпустили. Дальше они сами.

* * *

Ведущая вошла в квартиру, стряхивая снег с потемневших от влаги кудряшек. Быстро скинула пальто, обувь и прямиком прошла к столу с эскизами. Включила лампу, достала карандаши. Набросала черноволосую женщину в красном платье и с длинными ресницами, юного взъерошенного журналиста с фотоаппаратом и ноутбуком. Остальных можно и потом, а эти двое стояли перед ней как живые, надо успеть. Вымечтанные, любимые, нерождённые дети. Пусть живут – хоть так.

«Как прошло?» – звякнул телефон сообщением от супервизора.

Ведущая отложила карандаш.

«Хорошо, всех отпустили. Много поддержки».

«Рада слышать. Завтра обсудим подробнее. Как сама?»

«Устала, иду спать. До завтра».

Она отложила телефон, но тот звякнул снова. На сей раз сообщением от клиентки: «Я готова забрать заказ, удобно ли встретиться сегодня? Или, может, доставка?»

Ведущая с усилием поднялась из-за стола и подошла к стеллажу, где были расставлены причудливые куклы. Дети, подростки, несколько взрослых. В школьной форме, в купальниках, в летних платьях. Все красивые, неповторимые. Все любимые.

Ведущая сняла с полки фигурку мальчика в джинсах и полосатой футболке. Коленька, из её первой группы. Льняные волосы, кобальтовые глаза. Ботиночки из фоамирана – ох и намучилась она тогда, по неопытности. Коленька любил машинки – пришлось покупать коллекционную модельку. Но работа того стоила. Мальчик готов.

«Встречусь с вами через час на площади. Доставку не хотелось бы, работы я передаю из рук в руки. Оплата по факту, если заказ подойдёт».

«Уверена, что подойдёт! Они у вас все такие живые, как будто с реальных людей списаны!»

Ведущая улыбнулась и начала упаковывать работу. Коробка, мягкая бумага, наполнитель, пакетик со сменной одеждой. Памятка: имя, из чего сделан, как ухаживать, почему не давать детям. Люди не привыкли к куклам-компаньонам, а она устала объяснять.

До выхода оставалось ещё полчаса. Есть время поработать.

Ведущая вернулась к стеллажу, достала из глубины ещё одну куклу.

Девочка, лет десяти. Орехово-зелёные скульптурные глазки, кудри из светлого шёлка. И особая гордость – платье из креп-шифона цвета персика, с карамельной отделкой.

Ведущая положила девочку на рабочий стол и тоненькой кисточкой начала прорисовывать брови. Кинула взгляд в зеркало – да, получается похоже.

Изнасилование в двадцать лет. Беременность. Хотела оставить, по УЗИ обещали девочку. Мамины слёзы, папины крики. Врач клялся, что всё пройдёт хорошо и дети ещё будут. Клят-вопреступник.

Девочка почти закончена. Ресницы бы подлиннее. На днях привезли такое изящное кружево – может, сделать ей зонтик от солнца? Или пелеринку? С кудряшками будет прелестно смотреться.

Когда-нибудь она отпустит эту девочку. Но не сейчас. Ещё рано. Она не готова.

Уже-не-Ведущая нежно поцеловала дочь, оделась, взяла коробку и вышла в снежный вечер.

Всё на свете – сказка

Будильник, разлепить глаза, ещё бы пять минуточек... Но воспитательница просила не опаздывать, утром репетиция. Лена потягивается, зовёт дочку: «Котёнок, просыпайся потихоньку».

Прошлёпать голыми ногами по холодному полу, включить чайник, умыться, достать в полутьме из шкафа что-нибудь немятое.

Лена открывает балконную дверь – проверить погоду. В лицо бьёт дождь со снегом. Хорошо бы надеть зимние куртки, но искать некогда, сойдут и пальто, главное – шарфы потеплее. Лена идёт в прихожую, перебирает на полке шапки, шарфы, перчатки – всё такое лёгкое, не для нынешней погоды... Кричит в сторону ванной: «Катюш, умывайся быстрее, завтрак не успеваем, в садике поешь!»

Катюшка выходит в коридор: лицо сонное, волосы растрёпаны, но одета. В руках осенняя поделка – грибочки в корзинке. Ставят в пакет, накрывают платком – дай бог, не промокнет. Лена обматывает Катюшкину шею маленьким шарфом, помогает надеть пальто, большим укутывает снаружи. «Мама, а где шапка?» Лена вздыхает: «Нет времени искать, наденешь мою, у меня капюшон». Катюшка хнычет: шапка колется. Лена утешает: зато яркая, издалека видно. Чудом находят парные варежки – и вперёд.

Лена идёт быстрым шагом, на одной руке виснет Катюшка, в другой хлопает на ветру пакет с поделкой. Идти трудно, холодный дождь сечёт лицо. Катюшка опять хнычет: «Мама, не хочу в садик!» Лена привычно талдычит, что такой порядок, взрослые – на работу, дети – в садик, учёба и общение, без этого никуда, и сколько можно повторять? Катюшка не унимается: «Мама, мне страшно!»

Звнящая нотка в голосе побуждает Лену обернуться и посмотреть на дочь. Катюшка часто моргает и сжимает губы – прямо как отец. Но тот сразу начинал кричать, а она молчит, просто хмурится. Лена вздыхает: ну что опять случилось? Катюшка жалуется, что Вова обижает, забирает полдник, пока Аниванна не видит, вчера порвал рисунок, прямо на занятии, а с мальчишками даже дерётся. «Ты просто к нему не подходи, – говорит Лена, – а я поговорю с Анной Ивановной. Бежим, совсем опоздали».

Когда они добегают до садика, дождь становится снегом, мягкими хлопьями падает на плечи. Катюшкины щёчки румянятся в цвет шапочки. Лена снимает варежку, тычет пальцами в ледяные кнопки домофона, но дверь распахивается сама. Раздаётся оглушительный голос заведующей Инны Львовны: «Шапошниковы! Что ж так поздно? Репетиция идёт! Лена, ты беги, мы тут сами».

Лена сбивчиво, по-детски оправдывается, мол, будильник, дождь, поделка... Рядом с Инной Львовной Лене всегда шесть лет, ведь заведующую даже мама побаивалась. Лена чмокает Катюшку и убегает на работу.

В офисе Лена стряхивает с пальто мокрый снег, вешает сушиться шарф, переобувается. Наконец включили отопление, все в бухгалтерии сняли тёплые кофты, запестрели блузками. Лена тоже снимает свитер и идёт на кухню за кофе. Лена не любит утренней болтовни. Но сегодня в офисе спокойно: видимо, многие стоят в пробках. Из чайника вырывается пар, звенят чашки, кто-то заваривает земляничный чай... Лена позволяет себе задержаться и даже присесть на краешек табуретки.

Кухонный разговор вертится вокруг сказок. Громче всех возмущается Вита: «Ну вы представляете, требуют читать народные сказки. А у меня к каждому сюжету вопросы. Взять отца Золушки – он о чём думал? Не видел, как с дочкой обращаются?»

Остальные наперебой подхватывают: «А мама Рапунцель? А Гензель и Гретель как вам? Родители решили не кормить и отвели в лес – нормально?» – «Критикуешь – предлагай! Что им

было делать? Самим убить, чтоб не мучились?» – «Фу, девчонки, что за темы у вас с утра?» – «Какие сказки, такие и темы! И как такое детям читать? Моя в средней группе, там Красная Шапочка. Вот вы мне скажите: какая мать отправит дочь одну через лес? Ведь знала же про волка! Лен, помню, у тебя дочка тоже в средней? Ты как объясняла?»

Лена растерянно смотрит на коллег. Таких вопросов Катюшка не задавала. Хотя они и сказку читали, и мультик смотрели. Даже ходили на спектакль в Большой театр кукол – правда, Катюшка тогда была совсем маленькая и запомнила только яркую афишу и фотографа с кроликом в фойе.

Коллеги ждут, и Лена говорит первое, что приходит в голову: может быть, у мамы были другие дела? Или она не подумала, что опасность реальна?

Лене кажется, что ответ банален. Коллеги пожимают плечами, а Эвелина даже слегка кривится. Эвелина читала Юнга, Проппа и даже Клариссу Эстес. В её присутствии Лена сжимается и кажется себе глупышкой из средней группы, которую поучает всезнающая второклассница. Эвелина ударяется в архетипические толкования: инициация в лесу, обряд временной смерти, образ жестокой матери, волк как символ Тени...

«Опять накрутили со своим Проппом!» – это фыркает новая юристка, которую взяли на комплаенс. Проще говоря – следить за порядком и стучать на тех, кто порядок нарушает. Юристка утверждает, что Красная Шапочка – про важность дисциплины. Говорила же мама не сходить с тропинки. Красная Шапочка отвлеклась на цветы – и вот результат. Юристка демонстративно отвечает на деловой звонок и выходит из кухни.

Всем неловко. Настроение спасает Ася: «Ой, девочки, вы всё усложняете! Красная Шапочка – чистый секс. Вы же знаете, что в оригинале там не шапочка, а капюшон? Ничего не напоминает?»

Девчонки краснеют, раздаются смешки. Дверь распахивается, смех застревает у Лены в горле.

На пороге главбух Лидия Аркадьевна: «Я-то голову ломаю, где вся бухгалтерия, а они тут сказки обсуждают! Одни юристы работают!»

«Лидочка, такая хмарь на дворе, дай девчонкам хоть согреться с автобуса», – главная финансистка, как всегда, на защите молодёжи. Лидия Аркадьевна смягчается: «Понимаю, и давление низкое, я еле встала. Девки, я булок купила, чтоб повеселее, угощаю. Леноч, подсушись».

Лена принимает из рук Лидии Аркадьевны бумажный пакет, сладко пахнущий творожной выпечкой, раскладывает её на тарелке. Девочки наливают чай, разбирают упитанные булочки, стряхивают с юбок крошки, болтают. Лидия Аркадьевна запикивает в рот сразу полбулки и становится похожа на зайчиху из сказки Сутеева. Прожевав, включается в разговор: «А может, она о больной матери заботилась, а? Дети в те времена – расходный материал, лет до семи так точно. А мать у человека одна! – Лидия Аркадьевна обводит глазами пёстрый кружок. – Эх, молодо-зелено, вот постареют ваши матери – поймёте. Всё, за дело».

Лена моет чашки, возвращается на рабочее место и углубляется в таблицы, но где-то на краешке сознания скребётся вопрос о Красной Шапочке.

На обед Лена идёт одна. Заказывает бизнес-ланч: «Суп и выпечку, пожалуйста, с собой, мне для ребёнка» – и утыкается в телефон. Мамские чаты, специалисты по фольклору, славянские сектанты – у всех свои трактовки сказок, и Лена запутывается вконец.

Наконец Лена не выдерживает и звонит подруге. Маша – психолог. Не сказкотерапевт и не специалист по родовым программам, а обычный школьный психолог. Зато у неё своя голова на плечах. Через восемь гудков Маша наконец берёт трубку, и Лену оглушает звон детских голосов – видимо, перемена.

Лена лепечет: «Маш, прости, я быстро. Может, вас учили на курсах каких. Вот в „Красной Шапочке“ – мама зачем её отправила в лес? Ведь далеко же. И она же знала, что там волк?»

Маша перекрикивает гомон: «Не помню особо. Вроде бы сказки – это средоточие народного опыта. Всё на свете – сказки. А чтобы конкретно... Разве что по Фрейдю, типа красный цвет – это менструация, а у Красной Шапочки борьба либидо и мортидо. Ерунда, короче. Стой, кому сказала!»

Лена уже готова поблагодарить и отключиться, но тут Маша упоминает, что этот вопрос – годный проективный тест. Правильного ответа нет. Важно, как человек отвечает. И ответ даёт о нём информацию. «Вот ты, Лен, что ответила?»

Лена повторяет свою банальную версию: мол, мама была занята, недооценила опасность, и... «Ой, Маш, прости, из садика звонят».

Лена ставит звонок на удержание и слушает Инну Львовну. Внутри всё холодеет. Лена хочет сжаться в песчинку, исчезнуть и больше не существовать. С усилием она выползает из-за столика, не забывает оставить деньги за ланч, забывает пакет с супом и тёплый шарф, набрасывает на плечи пальто и несётся на остановку, по пути записывая голосовое главбуху.

Катюшка сидит на диванчике в кабинете заведующей и листает книжку Шарля Перро, в носу окровавленная вата. Инна Львовна протягивает Лене стакан воды: «Что ж ты такая нервная, Шапошникова, да всё в порядке уже, ну подрались немного, и крови-то совсем чуть-чуть».

Лена послушно глотает воду, садится на диван к дочери. Инна Львовна увещевает: «Ты не волнуйся, Вовку мама забрала, извинялась, телефон твой просила, я дала, ты уж прости». Говорит, что мама Вовы обещала принять меры. Хвалит Катюшку – мол, девка-то не промах, вся в бабу, и даже не себя защищала, а подружку. Для порядка журит обеих: девочкам драться неприлично, должно быть воспитание...

Лена обнимает дочку, задевает плечом её носик. Тот опять начинает кровить. Они идут к медсестре, меняют вату. Лена дрожащими руками вызывает такси до дома – уж по такому случаю можно потратиться.

С непривычки Лена забывает выбрать в приложении детский тариф. Таксист злобствует, отказывается везти, но видит лицо Катюшки и смягчается: «Кто ж тебя так?» Катюшка бойко рассказывает про Вову, полдник, Соню, драку и что нечего девочек обижать! Таксист усмехается – боевая девчонка! Машет рукой, открывает заднюю дверь, сооружает Катюшке сиденье из одеял. Машина принимает их в своё тёплое нутро и тащится по пробкам в сторону дома.

Катюшка скушает, просит сказку. Лена силится вспомнить что-нибудь про женское воспитание, но в голове по-прежнему вертится история Красной Шапочки. Катюшка сразу перебивает: «А почему мама посылает Красную Шапочку в лес одну? А вдруг волк?» Лена мешкает, вспоминает психолога Машу и просит ответить самостоятельно.

Катюшка часто моргает, смотрит в окно, на водителя, трогает ватку в носу. «Может, чтобы Красная Шапочка училась жизни? Ну как ты меня водишь в садик, да? В древности же садиков не было. А лес был».

У Лены перехватывает дыхание. Она смотрит на свою тёплую красную шапку, которая так ладно сидит на Катюшкиной голове, вспоминает корзинку с грибочками, учёбу и общение, мальчика Вову. Прижимает Катюшку к себе так крепко, что расплзаются одеяла. Сдерживается изо всех сил, но глазам становится горячо.

Катюшка обнимает мать тёплыми ручками, гладит по волосам: «Мам, да ладно, ну не болит уже ничего, Вова обещал, что больше так не будет, он сам знаешь как испугался, а девочки теперь со мной дружат, Соня шоколадку подарила, ну не плачь, ну ма-а-ам...»

Маленькие утешения

– Сколько пакетов! Ждёте гостей?
Марта вздрогнула и слегка повернула голову. Соседка...
– Да, Мия обещала заехать. С Филиппом и детьми.
– О, как вам повезло. Второй день подряд гости.
– Второй день? – Марта удивлённо подняла брови.
– У вас в саду вчера было так шумно. Мы с мужем сразу подумали про гостей...
– Простите. – Она натянула вежливую улыбку. – Видимо, телевизор в гостиной работал слишком громко. В такую жару трудно не открывать окна. Я буду внимательнее.
– Ну что вы... – Соседка явно была настроена поболтать. – Приготовите большой обед? Как в прежние времена?
– Ограничусь десертом. Мия всегда приезжает со своей едой.
– Какая умница! Повезло вам с ней.
Марта опять вскинула брови. Везение тут совершенно ни при чём.
– Да ведь иначе и быть не могло, вы вложили в детей столько труда... – стушевалась соседка.
Марта молча кивнула и поспешила к дому. До приезда Мии оставался всего час.

* * *

– Мне кто-нибудь поможет?! Марк! – Голос Мии пробивал стены.
Марта растерялась. Марк? Она не ожидала сегодня увидеть сына. Что же случилось?..
Через миг дочь появилась на пороге, увешанная сумками. Сзади маячила нескладная фигура Марка. С боков протиснулись дети Мии – Милочка и Макс, у каждого в руках по пакету с полезными чипсами и по открытке.
– Бабушка, это мы тебе нарисовали! А чипсы наши – мама разрешила!
– Сейчас я разуюсь, всё поставлю и обниму тебя! – продолжала кричать Мия. – Филипп не смог приехать, передавал поздравления! Но мы взяли с собой Марка, развеяться. А то он совсем скис в последнее время.
– Сама ты кислая, как твой веганский мармелад! – Марк ввалился в дом вслед за сестрой, шутиливо подмигнул племянникам и обнял мать. – Вот контейнеры. Кирпичи там, что ли? Мы с ребятами поиграем в саду, не будем лезть в ваши кухонные дела.
Марк подхватил на руки Милочку, и скоро весёлый гомон переместился в сад. Мия бросила взгляд в окно и вернулась к сумкам.
Марта с удивлением смотрела на контейнеры с едой, которые загромождали стол.
– Зачем ты столько наготовила? На неделю хватит!
Но Мия продолжала разбирать сумки, не прекращая тараторить.
– Ну что делать, надо как-то себя занимать. Филипп не разрешает мне работать: ждём, пока подрастёт Милочка. А привезла не так много, половину точно съедим; Марк наверняка голодный, у него опять блок; с детьми вообще непонятно: у Милочки подозревают аллергию на молоко, а Макс для своего хоккея решил набирать мышечную массу – плохо сочетается с его увлечением вегетарианством; с Филиппом у нас разные вкусы; вот мне бы точно не помешало отказаться от мяса, говорят, к сорока годам стоит пересмотреть рацион... Боже, мама, как ты справлялась со всем этим в нашем детстве?
– У меня были помощники...

– Ну да, микроволновка и посудомойка – вот и все помощники! А ты всё равно готовила разные блюда, столько труда! И никакой доставки!

Мия не утихала и при этом бегала по кухне, вынимая из шкафов тарелки, супницы, приборы, салфетки, пересыпала приправы, перекладывала еду из контейнеров в салатницы...

Марта хотела помочь дочери, но скоро отступила в небольшой проём между столом и холодильником, словно спасаясь от скоростного робота-пылесоса.

Наконец Мия рухнула на стул.

– Мия, а что с Марком? – Марта была наготове, так что успела вставить слово, пока дочь переводила дыхание. – Он же не собирался с вами. И где Анна?

– С Анной всё в порядке. Насколько это возможно при жизни с Марком, сама понимаешь. А вот у Марка очередной блок.

– Какой блок?

– Писательский, мама, какой ещё. – Мия невольно поморщилась. – Он постоянно жалуется. И вдобавок проблемы с издательством... Я уже не в силах терпеть это нытьё. По дороге сюда его утешала Милочка. Даже подарила ему своего кролика, славная моя девочка! Подозреваю, Анне нелегко приходится. Поговори с ним, я тебя умоляю, иначе...

Дверь распахнулась, и на пороге появился сияющий Макс с большой коробкой в руках. Как она могла забыть!

– Тут доставка приехала. Бабушка, это подарок для нас? Можно открыть? – Макс подпрыгивал от нетерпения.

– Макс, как не стыдно! – воскликнула Мия.

– Но на ней логотип детского магазина. Значит, для нас, да, бабушка? Или у тебя есть другие внуки? – Макс рассмеялся.

– Других внуков у меня нет, – улыбнулась Марта. – Коробка... она для соседского мальчика. Дай-ка я уберу. Там настольная игра, тебе всё равно не понравится. Или?..

Марта с надеждой посмотрела на внука.

– Ску-у-у-ука! – Макс опустил коробку на пол и направился к двери.

– Макс, пора за стол! – остановила его Мия. – Зови Милочку и Марка!

– Мы все на М, как коровы, м-м-м-му-у-у-у, – протянул Макс.

– Зато окружающим сразу понятно: мы семья! Традицию создала мама, а я собираюсь поддерживать. – Мия чмокнула мать в щёку. – Дети, снимайте обувь при входе в дом! Да, здесь так принято! Боже, где ты это нашла?

Милочка топала к ним – без обуви, оставляя на светлом полу скользкие зеленоватые следы. К животу она прижимала большой комок мокрой глины, который когда-то был заготовкой для вазы.

Марта резко выдохнула. Надо лучше готовиться к приезду детей. Комнаты заперты, но остальное...

Мия бросилась к дочери.

– Ты смяла бабушкину работу?! Марк, а ты куда смотрел? Мама, прости... Как раз хотела спросить, как поживает твоя керамика, а тут...

– Ничего страшного, это я сама. – Марта осторожно забрала у Милочки неудачную заготовку.

– Сама сломала? – удивилась Мия. – Но почему?

– Не получилось. Не справилась с толщиной стенок, у таких ваз они должны быть ровными.

– Кого волнует толщина стенок? Её же не видно! Всё равно получилось красиво. Подожди, не уноси. – Мия окинула взглядом заготовку, провела пальцем по влажным изгибам. – Погляди-ка, ты даже смяла её эстетично. Марк, ты видел? Чуть расправить – и получится мод-

ная форма, я на выставке видела. Экскурсовод говорил, что именно в неправильности кроется красота!

– Думаю, маме не нравится, когда что-то не соответствует правилам, – улыбнулся Марк, стоя в дверях. – Все твои создания должны быть совершенны, правда, мама?

– Я позволила вам быть несовершенными, и это вполне тянет на материнский подвиг, – усмехнулась Марта. – Так что оставь мне мои маленькие утешения. А теперь предлагаю закончить дискуссию о хобби и отмыть ребёнка. Пора за стол.

* * *

Грушевый тарт был почти съеден, когда Милочка и Макс отлепились от взрослых, прихватили чипсы и устроили себе гнездо из подушек на большом диване поодаль от стола. Солнце почти село, и лица детей освещались только экранами планшетов.

– Какие они милые, когда сидят спокойно, – заметил Марк.

– Не говори, – вздохнула Мия. – Иногда мне хочется их просто выключить. Хотя бы на пару часов, немного побыть в покое. Впрочем, планшеты помогают – на время. Мама, а ты?

– Я?

– Тебе никогда не хотелось нас выключить?

Мия и Марк с любопытством уставились на мать. Та отпила чай, пытаясь выиграть время для ответа.

– Никогда об этом не думала. Скажем честно, ты была не сахар. Но все вокруг обещали, что трудно только первые пять лет. Так и оказалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.